ЧЕРНЫЙ ПОДСНЕЖНИК

Жизнь – это красная стрелка на карте

Сергей ЗВЕРЕВ

Боевая хроника. Романы о памятных боях

Сергей Зверев

Черный подснежник

«Эксмо»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Черный подснежник / С. И. Зверев — «Эксмо», 2023 — (Боевая хроника. Романы о памятных боях)

ISBN 978-5-04-190751-8

1943 год. Кольцо блокады вокруг Ленинграда прорвано, но до полной победы Красной Армии на этом участке фронта еще далеко. Враг изо всех сил старается удержать свои позиции, делая неприступной каждую возвышенность на болотистой местности. Один из таких рубежей приказано взять нашему батальону пехоты. Понимая всю сложность предстоящего боя, пехотинцам вызывается помочь командир танковой роты лейтенант Алексей Соколов. Однако командование запрещает маневр, ссылаясь на непроходимую для техники местность. На подступах к высоте батальон попадает в засаду. Соколов, ослушавшись приказа, все-таки мчится на помощь своим, надеясь в последний момент спасти положение… Стратегические планы, удачи и просчеты командования, коварство врага, подвиги солдат и командиров – война, как она есть на самом деле. Подлинность событий нашей недавней истории.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190751-8

© Зверев С. И., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1 12
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Сергей Зверев
Черный подснежник

© Зверев С.И., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

БОЕВАЯ ХРОНИКА

РОМАНЫ О ПАМЯТНЫХ БОЯХ

СЕРГЕЙ

ЗВЕРЕВ

ЧЕРНЫЙ ПОДСНЕЖНИК

МОСКВА
2023

От мешков шел такой умопомрачительный хлебный дух, что водителю полуторки, старшине Валентину Крошину, приходилось то и дело сглатывать слюну. Аромат щекотал ноздри, скручивал изнутри живот так, что он механически баранку крутил. Мысли только и были о ржаном хлебе, на который бы сейчас присыпать чуток соли, уложить бело-розовый шмат сала. А потом впиться зубами и жевать, проглатывать солено-пряный деликатес. Сидящий рядом капитан, видимо, изнывал от такого же желания, потому что отвлекся на секунду от наблюдения за ситуацией на дороге, прикрыл глаза и мечтательно выдал:

– Эх, вот бы на горбушечку черного горчицы мазнуть, ядреной, чтобы до слез прошибала. У нас в столовой на заводе такая всегда стояла на столах.

И Крошин, и командир автомобильной роты отдельного батальона материального обеспечения знали точно, что ни куска от почти сотен мешков с хлебом, прыгающих в кузовах полуторок под брезентом они не возьмут. Пускай хоть до рези крутит голодное брюхо, а в мозгу чередуются фантазии о еде. Этот хлеб особенный, и обоз с продовольствием специального назначения. Старенькие полуторки, подпрыгивая на ухабах и дорожных ямках, везут в мешках кирпичики хлеба из ароматной ржаной муки для жителей освобожденного Ленинграда. Не из перетертых сосновых иголок с невыносимым горьким послевкусием, не из лузги семечек или пищевой целлюлозы, а обычный ржаной хлеб. Аккуратные кирпичики с темной спинкой, оставляющие легкую кислинку на языке. Всего неделя, как освободили, сняли блокаду, пробив дорогу – коридор в немецкой осаде. И теперь по узкой полосе южного берега Ладожского озера, шириной в десяток километров, идут автомобильные обозы с продуктами, лекарствами, теплыми вещами. Обратно машины вывозят по «дороге жизни» детей, женщин, стариков, что выжили, хоть и превратились за сотни дней в осажденном городе в еле движущиеся призраки. Искра жизни в измученных тщедушных телах держалась только на силе воли, потому что к моменту прорыва блокады вес хлебного пайка упал до двухсот граммов в сутки, да и за этим черным куском, сделанным наполовину из несъедобных примесей, приходилось стоять на морозе в очередях сутками. А сейчас вдоль белой кромки озера неслись грузовики с провизией для организованных спецстоловых для населения: в плотных мешках хлеб с хлебобулочного завода соседнего города, в ящиках тяжелые шайбы мясных консервов, шуршащие крупы в кулях, даже мясные туши, распластанные на брезенте, чтобы не испачкать доски кузова.

Чтобы отвлечься от мучительного ощущения голода, Крошин хмуро уставился на поземку впереди, которая так и кружила по серой замерзшей земле. Еще час осторожного движения по зимней дороге в сгущающейся хмари от водных испарений и небольшой метели, и они будут на границе города. Час на разгрузку и, наконец, можно будет бежать вдоль изорванных немецкими снарядами трамвайных путей к острой крыше вокзала. Именно там он увидел их первый раз в свою первую поездку в только что освобожденный город.

В тот день, после того как капитан выкрикнул команду «вольно», водители разбрелись по кабинам покемарить короткие часы перед обратной дорогой. А Валька Крошин поспешил в город, пускай и разбитый тысячами бомб, сброшенных с германских «юнкерсов», но все равно невероятно огромный, задирающий ввысь крыши многоэтажных домов, манящий затейливыми постройками и величавыми колоннами. Деревенский парень, который впервые за всю жизнь оказался дальше районного центра в родной Вологде, шел, очарованный шириной дорог и обилием мостов, как вдруг возле руин на пустой улице его окружили темные силуэты. Перед лицом блеснуло лезвие ножа и сиплый басок приказал:

– Выворачивай карманы, дядя!

– А, чего? – От неожиданного нападения Валька оторопел, с удивлением рассматривая грабителей, которые были ему по плечо и выглядели как бесформенные копны из одежды с торчащими в стороны ножками-палочками.

– Че в карманах, глухой, что ли? – снова проскрипел басок.

– Вы чего, ребята, вы грабители, что ли? Вы же это… ребятишки, – удивленно протянул Крошин, поняв вдруг, что его окружили пять или семь подростков, тщедушных и качающихся от недоедания.

– Давай доставай, чего в карманах! – уже со злостью выкрикнул мальчишка с ножом в руках.

От слабости у него все кружилось перед глазами, последние слова отняли столько сил, что он не удержался на ногах и качнулся вперед. Крошин инстинктивно врезал кулаком прямо в центр бледного личика, отчего его хилый противник рухнул на землю и закатил глаза, заливая алой юшкой из носа серые щеки.

– Не бей его, дяденька! – откуда-то из темного угла метнулась крошечная тень. Девчонка лет семи подлетела и припала к солдатскому сапогу. – Не убивай, дядька, не убивай Женьку! Меня лучше убей!

Валька отодрал от сапога тонкие ручки и приподнял за шкирку девчонку повыше к своему лицу. Та болталась будто чахлый кутенок, зажмурив от ужаса глаза, только скулила без остановки:

– Меня, меня лучше убей, не тронь Женьку, с голоду он! Меня убей!

Валька оглянулся по сторонам, и под его взглядом серые тени остальных горе-грабителей расползлись в темные пещерки руин, будто и не было целой банды. Крошин осторожно поставил девочку на землю. Страшно ему не было, было жутко от того, как выглядели эти дети, напоминающие скорее живые скелеты, чем живых людей. Почти бестелесные руки и ноги, обтянутые серой кожей, огромный лоб, выпирающие кости черепа, да впадины под скулами вместо щек, отчего глаза на детском личике казались невероятно огромными. Солдат потряс распластавшегося на земле паренька:

– Эй, ты живой, слышишь? Ну, вставай!

Тот моргнул раз, другой и вдруг отвернул лицо, заплакал отчаянно от стыда за свой голод, что превратил его в преступника, от неудачи и унизительного тычка в лицо, от мучительного ощущения бессилия.

– Да ты не реви, чего, больно я тебе вдарил, да? Ну прости, я же не со зла, рука тяжелая. – Теперь Валька не знал, как утешить мальчишку и остановить его отчаянный вой.

Он похлопал себя по карманам и вытащил кусок сухаря, что отложил после обеда, чтобы смаковать по кусочку в дороге, разгонять сонливость от однообразной картинки перед глазами. Тонкие пальцы тотчас перехватили подарок, девочка осторожно, подбирая языком каждую крошку, надкусила обломок сухаря.

– И мне, мне дай укусить!

– Я тоже хочу!

– Дай!

Как бабочки на свет фонаря, вдруг из всех темных уголков и щелей отовсюду начали сползаться тонкие фигурки. Они так были укутаны в рванье, что Валька не мог понять ни их возраст, ни пол, только по росту определил, что перед ним дети. Они заполонили крошечный пятачок, сухарь пошел по кругу, уменьшаясь с каждым укусом, и исчез за несколько секунд. Тем, кому не досталось и крошки лакомства, робко трогали карманы ватной куртки:

– Дядь, есть еще хлебушко?

– Сухарик дай, дай!

Чья-то ловкая ручонка вытащила из кармана солдата тяжелый трофейный портсигар, который старшина набивал самокрутками. Самодельные папиросы из махорки и газетных листов мгновенно разошлись по толпе. Валька и опомниться не успел, как ребятишки потащили сигареты в рот, пытаясь унять хоть чем-нибудь ужасный голод. Самый маленький разочарованно заревел от ужасного вкуса едкого самосада, но, не в силах выплюнуть месиво, жевал и жевал, заливаясь слезами от горечи табачных резаных листьев.

– А ну дайте сюда, дураки! – Пришедший в себя главарь оборванцев вырвал из тонких пальцев блестящую коробку и протянул обратно старшине. – Вот, заберите, мы не воры, товарищ солдат.

Глаза на старшину он поднять был не в силах, но Крошин никакой злости не ощущал, лишь немое отчаяние от того, что в его карманах ничего не нашлось кроме куска сухаря. Начал было задавать вопрос:

– Родители ва…

Тут же парнишка резко его оборвал:

– Нету родителей, документов тоже нету. – К мальчишке прижалась тонкая фигурка сестры, так отчаянно его защищавшая от гнева Вали.

И паренек вдруг вскинулся зло снова, свистнул резко в окровавленные губы, так что маленькие человечки в несуразной огромной одежде враз исчезли, разбежались во все стороны, прячась в щели между грудами обломков.

«Они живут здесь в развалинах, сироты, беспризорники, – вдруг сообразил Валентин. – Как собаки живут на улице. Как они еду находят, в городе же все по карточкам». От жуткого немого вопроса внутри руки снова потянулись к карманам, только напрасно – там остались только крошки махорки.

– Так. – Крошин сдвинул тугую шапку и почесал затылок. – Я через два дня приеду в это же время в Ленинград, в обозе пойду хлебном. Здесь меня ждите, поняли? Я привезу, поесть привезу. Я насобираю, у ребят там наших соберу. Слышали? Ждите, два дня! Я через два дня вернусь! – вдруг выпалил он.

Женька, который старался не тратить силы на лишние движения, скупо кивнул – слышали, ждем.

Ошалевший Крошин зашагал обратно, к месту стоянки грузовиков, то и дело оглядываясь, спиной чувствуя, как его провожают десятки пар глаз. Когда сердце перестало истошно колотиться в груди, мысли защелкали, как костяшки счет:

«Портсигар сменяю на сахар, а лучше на пшенку или сухари, чтобы сытнее. Есть еще платок теплый и варежки, которые матери хотел отправить почтой. Ничего, зима скоро кончится, у нее там есть батины рукавицы. Их тоже на продукты сменяю. В вещмешке пряников три штуки, плесневелые, но ничего, зелень можно соскоблить. И портянки, портянки новые тоже выменяю на консервы, курево отдам. За курево много дадут, может, и сухарей целый мешок наберу!»

Он, словно заправский снабженец, всю дорогу обратно прикидывал, на что еще можно выменять провизии для беспризорников, где достать хоть пару дополнительных кусков хлеба или коробку солоноватых галет. А в расположении батальона, несмотря на ночь и усталость после долгого перегона, бросился по землянкам в поисках продуктов.

Сейчас, спустя два дня поспешных сборов и обменов, предмет его радости – два вещмешка, туго набитых сухарями, крупами, кусками засохшего хлеба, коробками с трофейным немецким шоколадом, рафинадом в крошках табака, лежали в кузове его машины, надежно укрытые брезентом от сырого январского ветра с озера. Вальке хотелось выжать сцепление и дать по газам, что есть силы, чтобы как можно быстрее оказаться там, на темном пятачке, и раздавать, раздаривать это богатство в прозрачные ладошки, в тонкие пальцы. Он улыбался при мысли о том, как вспыхнут глаза у девочки и разгладится горькая складка у сурового Женьки. Уговаривал мысленно их: «Потерпите, родные мои, потерпите, ребятки. Еще часик и будет у нас пир на весь мир». Капитан недовольно насупился:

– Куда торопишься, сержант? Дорога во льду вся, снесет к чертовой матери, пикнуть не успеешь. – Он бросил взгляд в боковое зеркало. – Вон уже и остальные машины плетутся на расстоянии. Мы колонна военных автомобилей, а не свадебный кортеж. Притормаживай!

Валька, испытывая недовольство, тем не менее подчинился, выжал сцепление и педаль тормоза, от чего всегда послушный «ГАЗ» вдруг жутко рявкнул, накренился и разлетелся на тысячи кусков. Водитель, изорванный, нашпигованный осколками немецкой мины, неестественно изогнулся, впечатавшись в искореженный металл двери. Новый выстрел и взрыв! Следом за ним слетали в кювет, переворачивались и разлетались на куски из стали остальные полуторки продуктового обоза. Сержант Крошин успел только с го-речью подумать: «Они же ждут меня!», нога лихорадочно все нажимала и нажимала на педаль газа, даже когда все перед глазами залила кровавая пелена из пробитой осколком головы. Через четверть часа взвизгивающие выстрелы минометов, которые стреляли из засады, прекратились, а старшина Крошин застыл в кабине за рулем машины навсегда.

Глава 1

– Может, попозже, товарищ лейтенант? Шумно что-то там. – Николай Бочкин, заряжающий танка Т-34 с номером 007, командирского танка, робко кивнул в сторону старой церкви, откуда через забитые досками окна доносились крики споривших офицеров.

Алексей Соколов, командир танковой роты, 25-летний худощавый высокий лейтенант, даже не успел ничего ответить. Нарушая военный устав, опередив командира, старшина Василий Иванович Логунов сунул Кольке под нос свой большой кулак.

– Не понимаешь слов, вот чем учить опять будем! – Старшина задержал тяжелый аргумент перед носом ефрейтора.

Николай набычился, но промолчал, покорно кивнул в ответ, чувствуя, как под гимнастеркой до сих пор горит спина. Он только сегодня наконец комиссовался из госпиталя, где врачи быстро привели молодого танкиста в форму после контузии, и вернулся в расположение своей части. Да вот после радостных восклицаний остальных сослуживцев старшина Логунов, башнер в экипаже Бочкина, отвел его подальше от любопытных глаз, в мгновение ока стянул с себя ремень с тяжелой бляхой и отходил Кольку так, что у того поплыли перед глазами звездочки от жестких ударов старшины. И все же он терпел, только покряхтывал, пока Василий Иванович лупил ремнем по его широкой спине, приговаривая:

– Это вот тебе за побег, это тебе за глупости, что под «тигра» полез. Вот тебе наука, вот! Не тому я тебя учил, и Сема не тому! Сначала все просчитать, позиции продумать, а потом к немцам в тыл лезть!

Колька терпеливо сносил науку ремнем, знал, что имеет на нее право старшина Логунов. Не только потому, что опыта военного и служивого у него за двоих, еще с финской войны командует танковым отделением. Сибиряк приходился Бочкину односельчанином, командиром, а еще почти что отцом. Два года Василий ухаживал за его матерью и если бы не война, то после официальной росписи в районном ЗАГСе стал бы ему отчимом. За годы войны могучий сибиряк, попав с Бочкиным башнером в одну «тридцатьчетверку», опекал и заботился о парне, как о родном сыне, став ему самым близким человеком, отцом, командиром, учителем. Поэтому так терпеливо снес Колька порку, знал, что виноват. Он и его приятель, сержант Руслан Омаев, еще один член командирского экипажа 007, бросились вопреки приказу командира роты в тыл врага, угнав самовольно танк «семерку». Из благородных побуждений, конечно. Отчаянные танкисты рвались спасти невесту Руслана, попавшую в плен к фашистам. И спасли. Помимо нее еще сотни пленных, но только с помощью остальных членов «тэшки» – старшины Логунова, лейтенанта Соколова и мехвода Бабенко, которые вовремя подоспели и помогли выбраться из передряги. Тогда у взволнованного Василия Ивановича не было возможности выплеснуть свой гнев и недовольство на своевольного пасынка, но сибиряк копил злость все дни, что Бочкин провел в госпитале, хоть и устроил такую же взбучку Руслану. Теперь же после возвращения Николай выпорол его, как хулиганистого мальчишку, за то, что опытные танкисты так глупо подвергли себя опасности. После экзекуции на душе стало полегче, да и по виноватому лицу Николая он видел, что тот понимает, за что понес наказание. Слишком Логунов переволновался тогда и до сих пор не мог перестать опасаться за своего заряжающего и приемного сына. Вот даже сейчас полез вперед командира, чтобы приструнить Бочкина, который побаивался идти в штаб отдавать выписные документы из госпиталя.

Не зря побаивался: за окном церкви, служившей временным штабом для командного состава мотострелковой дивизии, все жарче разгорался спор между офицерами. Мужские голоса звенели выше и выше, но Соколова подобным не остановить. Лейтенант откашлялся, постучал в перекошенную тяжелую дверь. Крики возбужденных людей затихли. Ротный шагнул за тяжелую преграду, козырнул, не видя в темноте, кто находится в помещении:

– Товарищ майор, лейтенант Соколов прибыл доложить об укомплектовке личного состава роты!

– Проходи, Соколов, проходи, – прогудел знакомый голос. – Командира твоего нет, Еременко на станцию убыл новое пополнение танкистов принимать.

Глаза привыкли к темноте, и Алексей, наконец, смог разглядеть офицеров, что так горячо что-то обсуждали в тесном помещении, раньше служившем хозяйственной каморкой. Возле забитого досками окна смолил самокрутку командир дивизии генерал Котов. Из угла в угол мерял шагами крошечную комнатушку высокий бледный мужчина с широкими погонами с двумя звездами. «Дивизионный политрук», – мгновенно сообразил Алексей. В углу на щербатой колоде пристроился еще один офицер. Встрепанный, как воробей, он сутулился, опустив взгляд в грязный истоптанный пол. Волосы у мужчины торчали в разные стороны сосульками, подворотничок перекосился, но офицер не обращал внимания на свой вид.

Политрук с прищуром окинул взглядом молодого лейтенанта и двух солдат за его спиной.

– Тот самый Соколов? – мимоходом уточнил подполковник у Котова, но, не дожидаясь ответа, вдруг предложил: – Вот и отправил бы своего… – он замялся, подбирая слово, – дебошира, хоть с пользой геройствовать будут.

– Вот не начинай. – Комдив выпустил клуб дыма, который окутал его. – Я тебе уже все объяснил, ты мне слово дал не поминать о том случае, это уже наши с лейтенантом дела.

У всех танкистов екнуло в груди. Штабные знают и говорят о том происшествии, когда Омаев с Бочкиным нарушили приказы командира и устав и перешли границу немецкого и советского фронтов, вторглись на территорию противника. После возвращения генерал Котов пообещал не наказывать экипаж «семерки» и держал свое слово – танкисты не получили благодарности или награды за спасение пленных, но и избежали военного трибунала и штрафной роты за общий тяжелый проступок. Поэтому так было удивительно услышать, что не только комдив, но и политрук в курсе произошедшего. Хотя разговор в таком направлении генерал явно хотел прекратить, на бревне вдруг встрепенулся поникший офицер. Он повернулся к Котову и хриплым густым голосом с нотками отчаяния попросил:

– Товарищ комдив, ведь это дорога жизни! Город ждет. Что нам делать? Я своих опять подставлять под немецкие мины отказываюсь, у меня потери почти два десятка людей, машины сгорели, провиант к голодающим не доставили… Как мне-то действовать, товарищ командир? Мне что же, под немецкие пули бросаться? А толку, до города даже половины дороги полуторки не прошли. Весь обоз в «коридоре смерти» остался. Машины, шофера, продукты…

– Отставить, Прохорчук. – Тон у комдива вдруг стал суровым. – Мы тут все на войне, за любым углом смерть поджидает. А ты командир автомобильной роты, а не баба.

– Нету роты, нету! – Алексей даже в полумраке видел, как командира затрясло от нахлынувшей безысходности. Его трясло мелко, а пальцы перебирали широкий ремень. – Осталось два «ГАЗа», два! И один водитель!

Прохорчук вдруг с трудом поднялся, и танкисты поняли, что вместо одной ноги у него деревянный протез. Губы у инвалида вдруг скривились от той боли, что разрывала мужчину изнутри. Все замолчали, остановил свое движение по каморке политрук, комдив с досадой отдернул пальцы, обжегшись о почти сгоревшую самокрутку. Командир автороты же, испытывая чувство безысходности, воскликнул:

– Как же так, а? Ведь три года в любую погоду. И ремонт сами, сутками за баранками. Все везли, раненых, боеприпасы, связь. Неужели немцы сильнее нас? Неужели нет никакого спасения, ведь отвоевали дорогу к городу, сняли блокаду?! И что же получается, обман это?! Где же правда? Ребята! – Он вдруг повернулся к танкистам: – Вы же на фронте на передовой, что же в таких случаях делаете, а?! Ведь перекрыли нам фрицы дорогу, косят каждый день пулями машины для блокадников, мертвыми дорога выстлана. Я-то сам не вояка больше, но за

своих ребят готов хоть с голыми руками на фашиста идти! Они же специально на колонну напали, знали, что у нас в кузовах продукты для Ленинграда. Знали!

Он был такой потерянный и беспомощный, что лейтенанта окатило волной стыда, будто это он отказал сейчас ротному командиру в помощи.

– Так, пойдем-ка на воздух, а то тут от дыма голова раскалывается. – Политрук вдруг подхватил инвалида под локоть и потащил к выходу.

Тот даже не пытался сопротивляться, лишь с немым вопросом в глазах дальше обводил взглядом остальных – мол, как же так, ребята, неужели никто не может помочь? И Соколов не выдержал, задал вопрос вышестоящему начальнику, нарушая устав:

– Товарищ генерал, что случилось? – Знал, что нарушает субординацию, лезет туда, куда не просят, но до сих пор внутри горел стыд от растерянного и беспомощного выкрика командира автороты.

Котов одарив его коротким недовольным взглядом, все-таки ответил:

– Немцы устроили засаду и в коридоре вдоль Ладожского озера обстреляли из минометов продуктовый обоз, ехавший в Ленинград. И это уже третье нападение с момента прорыва блокады.

Алексей еле сдержался от восклицания, внутри так все и передернуло от злости. Мало страдали мирные жители, сотни дней умирая от голода, так теперь фашисты исподтишка громят технические службы, расстреливают батальон материального обеспечения. Ведь это ничего не дает им в рамках сражений двух армий, просто очередной подлый поступок, удар в спину еле живого человека – проявление жуткой звериной натуры гитлеровцев.

– Необходимо отправлять продуктовые колонны под прикрытием бронированной техники, чтобы защитить их от германской артиллерии и огневых взводов!

От его несдержанного замечания генерал сверкнул колючим взглядом:

– Вот спасибо, лейтенант, без тебя не разобрался бы. Только еще штаб запросил опытных танкистов двадцать человек личного состава для обучения броневойск маневрам в условиях эшелонирования. Задача стоит – в кратчайшие сроки подготовить в районе Мги операцию. Прежде всего танковый батальон выставлен на «невский пятачок», чтобы сдерживать попытки вермахта вернуть себе мосты и автомагистраль. И личный состав недоукомплектован почти на пятьдесят процентов. Тоже расскажешь, как сто танкистов в триста превратить? Сразу тебя в Ставку отправим армией командовать, с такими-то способностями.

Смущенный его резким тоном и едким замечанием, лейтенант молчал, опустив голову. За спиной затихли члены экипажа командирской «семерки». Соколов, еле сдерживая досаду, выдавил:

– Разрешите идти, товарищ генерал?

Только генерал Котов уже остыл после своего приступа раздражения, теперь ему было совестно, что сорвался на подчиненных, позволил себе резкие слова. Не виноват молодой лейтенант, что Ленинградский фронт задыхается от дефицита личного состава. Ставка требует наступать, требует новых побед и успешных атак, а командующий дивизией не знает, как прикрыть все щели на освобожденной территории Ленобласти, куда обратно лезет противник.

– Нет, лейтенант, от тебя требуется участие. Выделяй из своего экипажа одного человека, чтобы отправить в учебный лагерь. Самого опытного. А сам с ротой временно поступишь под командование капитана Прохорчука. С ним пойдете в один рейс для сопровождения машин отдельной роты матобеспечения в город Ленинград по дороге вдоль Ладожского. Туда и обратно, потом так же в учебный лагерь отправитесь. Выполняйте приказ!

– Есть! – коротко отозвался Алексей и, резко отдав честь, шагнул за расхлябанную дощатую дверь.

Промолчал, хоть и саднило внутри от обиды. Просто он помнил, что именно комдив Котов закрыл глаза на нарушение танкистами его приказа и помог им избежать трибунала.

Да и имел право генерал на такой резкий тон, в армии с дисциплиной и субординацией строго – приказ выполняют без пререканий. Тем более когда лейтенант делает замечание генералу – совсем неслыханная дерзость. Ему, Соколову, казалось, что сейчас важнее всего сдерживать нападения немцев на «невском пятачке». Но если приказал комдив отправиться в сопровождение автоколонны, то так тому и быть. Осталось лишь выделить самого опытного танкиста из экипажа «тэшки» для отправки на учебный полигон. Здесь у Алексея сомнений не было – конечно, старшина Логунов, у которого опыт финской войны и три года сражений против гитлеровских войск. Василий не только меткий башнер танка Т-34, но и по-отечески ласково и понятно сможет объяснить танковую науку молодым бойцам, рассказать о том, как действует каждый узел в советской бронированной машине. Поэтому, не дойдя до капитана с политруком, что теперь дымили вдвоем возле шаткой заваленной оградки старой церквушки, Соколов повернулся к могучему сибиряку:

– Василий Иванович, вы самая лучшая кандидатура для отправки на учебный полигон. Будете передавать опыт молодым танкистам, заодно и подберете мне состав для роты, чтобы наконец обученный и в полном комплекте экипаж был у нас в каждом отделении.

– Хорошо, товарищ лейтенант. Мы пойдем тогда с Николаем, – кивнул старшина. – Поможет мне вещи собрать.

На самом деле и собирать было особо нечего, много ли хранится в солдатском вещмешке: сменный тельник, портянки, обмылок, трофейная бритва, сухпаек из чая, консервов и сухарей, ложка да котелок; и самое важное на войне – письма от любимой женщины, Любушки Бочкиной. Коротенькие, на осьмушке бумаги, они грели сердце старшины, напоминая о том, что его всегда ждут и беспокоятся о нем. Как он сейчас опять беспокоился за пасынка и его самостоятельную операцию. Колька, кажется, и сам осознал что-то важное после яростной порки ремнем. Парень вдруг замедлил шаг:

– Дядя Вася, обещаю, что не буду на рожон лезть. Мамой клянусь.

Логунов стремительно и коротко обнял Кольку, хлопнул ручищами по плотной мускулистой спине – вон как возмужал, налился силой мальчишка. Уже и не парнишка, который пришел служить в танковое отделение под началом старшины Логунова, а опытный вояка.

– Ты уж извини, если сгоряча я приложил жарко. Это от заботы все, матери твоей обещал, что живой ты с войны вернешься, Николай. Да и мне на твоей свадьбе погулять охота, хоть своих не дал бог детей, только ведь ты мне как сын родной. Внуков хочу увидеть, понянчиться.

– Батя, я вернусь, обязательно вернусь, – горячо пообещал Николай.

Логунов выпустил его из объятий, отвернулся смущенный, скрывая, как блестят глаза от слезной влаги, и зашагал дальше, будто не было этой минуты тепла между ними. Снова они командир и подчиненный, башнер и заряжающий одного танкового отделения.

В это время командир батальона обеспечения, одноногий Макар Прохорчук, так же горячо жал руку лейтенанту Соколову:

– Да не передать словами, товарищ танкист, как я рад, что вы с нами пойдете. Немец ведь лютует, раньше через озеро шли обозы, но сейчас уже лед тонкий – лучше не соваться. Коридор пробили, но там такое… – Фронтовик в волнении снова закурил пахучую самокрутку. – Минирования много, обстрелы почти постоянно ведутся, диверсии. До линии фронта ведь всего четыре километра.

– А сколько протяженность самой дороги? – уточнил Алексей, пытаясь представить будущий маршрут.

– Ширина восемь, длина одиннадцать километров, – по-военному отрапортовал Прохорчук, затем с печальным видом вздохнул: – Там ведь ребята дорогу строят, стройбаты, ее уже «коридором смерти» прозвали, столько людей полегло. Не хотят фашисты город отдавать.

– Ничего, прорвемся. – Лейтенант в это время был уже сосредоточен на планировании операции и не давал волю сожалению или страху. – Можете показать на карте этот отрезок пути? Я заранее просмотрю труднопроходимые места для танков.

Он достал из планшета на тонком ремне полученную в штабе топографическую карту Ленобласти.

– Там все труднопроходимые болота кругом. – Капитан выпустил клуб табачного дыма. – Поэтому и решили сделать железку. Новую ветку построить, чтобы соединить линию Кировской железной дороги с Ириновской линией в районе Шлиссельбурга.

Желтый от табака палец прочертил плавную дугу вдоль водного пространства, и Соколов чуть не застонал. Самое опасное пространство для «тэшек», даже при всей их легкости и маневренности. Всю пересеченную местность территории изрезали болота, так что нитка дороги петляла, кружилась между темными пятнами топей. Т-34 может преодолеть неглубокую водную преграду, мягко прокрасться по негустому лесу, не боится кочек и ям. Но вот зыбкая густая жижа северных болот для танка весом в 26 тонн смертельно опасна. Соколов уже видел, как бронированные махины исчезали без единого звука в мшистой трясине, хорошо, если при этом экипаж успевал покинуть машину через верхний люк. Словно прочитав его мысли, одноногий капитан снова вздохнул:

– Эх, сколько в этих болотах парней полегло, техники было погублено. Я ведь тут уже целый месяц полуторки свои гоняю по трясинам. Сначала по Ладожскому ходил, по дороге жизни.

– Можете рассказать про дорогу, какая там местность, есть места для немецкой засады? – обрадовался Соколов тому, что можно получить важную информацию. Ведь есть водитель, что проехал местность вдоль и поперек, знает все тропки и лесные просеки, которые часто не указаны на картах.

Прохорчук вдруг сник, казалось, он разом потерял всю имеющуюся в его щуплом теле энергию:

– Эх, откуда там только немцы не лезут, они ползут, как тараканы из-за печки. За эти дни атаковали по всей линии фронта. – Желтые пальцы снова задвигались по карте. – Вот с этой высоты обложили из пулеметов наш обоз, машины уцелели, потом на санях таки довезли людям провиант. Из водителей тогда никто не выжил. На следующие сутки вот на этой площадке, когда пытались ночью пройти, нас немец с воздуха разнес в щепки. Дорога там в огромнейших ямах, быстро не разгонишься. Из этого лесочка в пятнадцатом квадрате мотоциклисты напали, автоматами по колесам ударили и обратно в лес, а мы, как назло, ребятишек эвакуировали из города. Ох, всю ночь собирали их по кюветам и воронкам.

– Сколько нападений, еще так подло, на провиант, на детей! – не выдержав тяжелого рассказа, воскликнул танкист.

Глаза у командира тыловой службы вдруг потемнели. Он сжался от слов парня, перед глазами мелькали десятки лиц – юноши только из учебки, взрослые мужчины с опытом войны, измученные блокадой дети, все они теперь лежали в мерзлых братских могилах вдоль единственной сухопутной дороги, которая соединяла заблокированный противником город с территорией, занятой Красной армией.

– Я ведь понимаю, почему комдив так разозлился. – Голос у капитана стал совсем глухой. – На верную смерть посылаем людей. Одно дело в бою, когда можно сражаться и сопротивляться на равных, а вот когда за плечами в кузове полуторки мешки, раненые, детишки со стариками, сильно не повоюешь. Жалко ему людей терять, пускай даже и обычных водителей. К нам ведь на полуторки кого отправляют? – Он хлопнул себя по деревянному протезу. – Убогих, калек, неопытных, кто на передовой не пригодился. Да только у нас своя война невидимая, вроде не перед врагом, не в атаке, а потери большие. Немец, ведь он подлый, как и Гитлер ихний, бьет туда, где слабо. Нет шоферов, значит, питания людям нет, вот и начинает

боец уже вполсилы воевать. Хоть мы и недоделанные бойцы, да все-таки для фронта что-то да значим. Поэтому товарищ Котов не хотел отдавать танкистов, героев с передовой линии, на помощь тыловой службы, а все-таки пришлось.

– Не говорите так, вы настоящие герои, – покачал головой ротный. – Под пулями, под вражеским огнем, почти без оружия везете людям питание и лекарства. Для этого надо иметь огромное мужество. Мы броней защищены, снарядами можем ответить. А у вас одно оружие против фашистов – смелость и чувство долга. Теперь мы вместе доставим груз блокадникам и сделаем все, чтобы никто из ваших водителей не погиб.

Прохорчук кивнул, но глубокая горькая складка возле рта так и не разгладилась:

– Нет шоферов, рота уничтожена во время последней диверсии немцев. Машины дали, а водителей сам ищу везде. Сейчас собираем людей, кто машины поведет. Я, Игорь Левченко, из госпиталя прибыл Алмаз Ягзанов. Из штрафроты двоих прислали, да из девчонок-прачек вызвалась одна. До войны троллейбус по Москве водила. – Усмешка комбата была горькая. – Вот такая у меня авторота, лейтенант.

Он был так удручен чередой гибели личного состава, что Соколов, обычно сдержанный на эмоции с чужими людьми, ободряюще похлопал его по плечу:

– Товарищ капитан, прорвемся. Давайте готовиться к маршу, я карту еще раз изучу, с ребятами обсудим, в каком порядке пойдем, чтобы прикрыть автоколонну. Получается, у вас будет шесть полуторок?

– Да, «зилки» пойдут, пять машин с продуктами и одну я сам поведу, там лекарства для госпиталей, для больниц.

– Во сколько выдвигаемся? Мы в принципе готовы, успели «тэшки» горючим снабдить, снарядами укомплектовать. Матчасть вся на месте. Мне только осталось выбрать, кто с каким экипажем пойдет. Тоже страдаем от некомплекта, вместо четырех танкистов по два человека в танке.

– Через час наметили выезд, но ждем машину из госпиталя, там лекарства загружают. Водитель мой, Алмаз Ягзанов, вызвался сесть за баранку. Он выжил один во время минометного обстрела, вот бок зашили и снова в строй рвется. Со своими вояками буду ждать вас на развилке к Шлиссельбургу. Машины заправлены, загрузку сейчас ведут. Пока соберу своих ребят, пора к рейсу готовиться. – Инвалид тяжело оторвался от оградки, с трудом захромал в сторону длинной бетонной полосы, что серела в полукилометре от временного штаба.

Там, на территории разбитого после авианалетов молокозавода, стояли отремонтированные «ГАЗ ММ-В». После немецкой атаки военные техники из рембригады поколдовали над машинами и снова поставили их на колеса. Благо были эти неприхотливые грузовики оборудованы лишь одной фарой и единственным дворником со стороны водителя, вся остальная амуниция – зеркала заднего вида, клаксон и передние тормоза инженеры убрали из «военной» модели «ГАЗа» из-за дефицита деталей для ремонта в условиях фронта. Кабины, кузов – все теперь было сделано из дерева и брезента, чтобы выводить «газики» обратно в строй сразу после походной починки прямо в поле. Пока рядовые из автобригады готовились к поездке, укрепляя груз с помощью веревок в кузовах, танкисты решали, кто же отправится в опасное путешествие. Соколов распределял свой негустой состав по машинам. В «семерку» командирскую идет опытный механик-водитель Бабенко. Он поведет всю колонну, выбирая проход между ямами и топями фронтовой дороги, так, чтобы не повредить подвеску и амортизаторы у тяжеловесного Т-34. В двух остальных машинах будут молодые водители: Мотя Хвалов, буквально месяц назад вышедший из танковой школы, в 012 экипаже, а в третьем танке уже проверенный Николай Бочкин, который с каждым разом под чутким надзором Бабенко все лучше и лучше управлялся с рычагами «тридцатьчетверки». Ему быть командиром совсем новой машины, которая только была поставлена на матчасть роты Соколова. Машина под номером 555, Т-34 с увеличенной башней и пушкой калибром 85 мм.

Первый выпуск сошел с конвейера заводов уже в декабре, главнокомандующий Красной армии потребовал улучшить легендарный танк из-за появления у немцев тяжелых «тигров». Новая «тэшка» была немного тяжелее первых моделей, но при этом обладала более мощным вооружением – ее танковое орудие пробивало бронебойными снарядами броню тяжелых германских панцеров с расстояния в 1000 м, а если подойти ближе полукилометра, то ничего уже не могло остановить советский снаряд.

Водители нашлись, осталось набрать еще в каждое отделение заряжающего и башнера – пару, которая действует слаженно во время боя. Во время последней стычки с фашистами опять вся рота Соколова выбыла полностью: одна из машин сгорела вместе с экипажем, двое с контузией оказались в госпитале. Короткая жизнь у танкиста, особенно сейчас, когда острый дефицит кадров и пополнение присылают из парней, которые только окончили танковую школу или обучались искусству сражения на Т-34 в жестоких реалиях. Всю дорогу до расположения танкового батальона Алексей провел в мучительных размышлениях, кого же ему лучше взять под свое командование. Но по прибытии его встретили настороженно, информация об особом задании уже дошла до командира батальона Еременко, а от него, по всей видимости, перешла к рядовым танкистам. Соколов называл имена, а сам видел, как поникали те, кого он назвал, как у них чернели лица, и среди остальных членов экипажей проносился облегченный вздох – повезло, не взяли. Желающих погибнуть на «дороге смерти» было немного. После переклички Соколов зашагал к сторожке, что единственная уцелела на территории разгромленного заводика по заготовке торфа, чтобы назвать комбату тех, кого он принимает в свою роту. Сам завод возле территории с осушенными болотами был всего лишь площадкой с бочками и котлованами, а сбоку притулился самодельный домик для сторожа и рабочих, где расположился временный КП. На подходе к домику вдруг кто-то схватил лейтенанта за руку и горячо зашептал:

– Товарищ командир, прошу вас, замените меня! – рядом стоял крепыш почти с квадратной фигурой, Егор Полевой, которого Соколов взял как опытного башнера в экипаж к Хвалову. В глазах у молодого мужчины застыло отчаяние, он впился в жесткую ткань ватной куртки Алексея. – Товарищ лейтенант, я женился вот только недавно. Невесту себе из связисток выбрал, она сейчас ребенка ждет, вчера в эвакуацию отправил. Мне нельзя! Прошу, умоляю вас, замените меня на кого-нибудь.

Соколов замер, внутри его разрывало от двойственного ощущения возмущения и жалости. Никогда он не позволял себе выказывать страх и требовал того же от подчиненных. Но молодого мужа Алексей понимал, у самого тоже есть невеста Оля в Белоруссии и каждый день сердце сжимается от мысли, что никогда больше не увидит ее. Танкист вдруг рухнул на колени:

– Прошу вас, я хочу ребенка увидеть и жену. Не отправляйте на смерть, ведь там каждый день гибнут люди, я слышал! Эту дорогу «коридором смерти» называют!

– Встань, сейчас же! – От окрика Алексея Полевой поспешно поднялся на ноги, но просительное собачье выражение в глазах не исчезло.

Соколов отвел глаза в сторону и бросил уже отходя:

– Хорошо, я найду тебе замену.

Ему было и досадно от малодушия башнера, и брала злость на самого себя из-за того, что поддался на уговоры. С другой стороны, зачем ему на задании танкист, который только и будет искать возможности сберечь себя, а не прикрывать машины с драгоценным провиантом или людей автороты. В сторожке его ожидал новый неприятный сюрприз, в ответ на список фамилий комбат Еременко закрутил головой:

– Этих опытных я тебе не отдам, одну треть батальона на учебный полигон забирают.

– Товарищ майор, комплектация и так по минимуму, – не сдавался Алексей. – Мне нужно по три человека в машине, чтобы выполнить приказ комдива.

– Знаю я, что опять у тебя спецзадание. Считай, в личную танковую роту у командира дивизии превратился. – Едкий, как обычно, Гордей Еременко не удержался от колкого замечания. – Но из других рот не дам тебе людей, забирай вот этих, – кивнул он на темные фигуры на лавке за окном сторожки. – Пополнение новое, все равно вы…

Он не закончил фразу, хотя лейтенант понял непосредственного командира прекрасно и без слов. И этот туда же, похоронил уже всю роту в мыслях в «коридоре смерти», поэтому и дает тех, кого хотя бы не так страшно было потерять при немецком обстреле, – новичков. Спорил с начальством Соколов крайне редко, соблюдая воинскую строгую дисциплину, поэтому лишь кивнул и распрощался с комбатом своего танкового подразделения.

– Здравствуйте, товарищи! – Сидящие на лавке вразнобой поднялись, приветствуя офицера.

Ротный окинул взглядом свое пополнение: старик без формы, одетый, видимо, в собственный ватник, пышную лисью ушанку и обутый в огромные валенки; губастый и румяный парень со взглядом, в котором сквозил вызов; и двое неуловимо похожих между собой мужчин. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, чем они похожи – у обоих руки, лицо были затянуты еще свежей красной коркой ожогов. «Горели в танке, – догадался Алексей и про себя облегченно вздохнул. – За одного битого двух небитых дают, так что опытные танкисты нашлись считай, а совсем новичков поставим заряжающими».

Он представился, узнал фамилии прибывших, рассказал кратко о предстоящей поездке. В ответ парень с наглой полуулыбочкой, Емельян Кривоносов, насмешливо фыркнул:

– Из штрафроты сюда послали за боевые заслуги, думал, будет полегче в танке. А тут сразу «дорога смерти», вот подфартило.

Соколов ответить ему не успел, дед огладил бороду и сурово рявкнул:

– Ты язык-то придерживай с командиром. Я финскую на танке прошел и сам служить вызвался, так что выживешь, если судьба даст. А надо, так и в дырку туалета провалишься и захлебнешься. Это уж от человека зависит, какой внутри, такая и жизнь у него, понял?!

– Да не дыми, дед. Сам разберусь, как разговоры разговаривать. – Кривоносов со скрытым раздражением покосился на старика.

«В разные экипажи их, – тут же решил Соколов. – А то передерутся. К Бочкину этого штрафника, а то в двенадцатом Хвалов по молодости вспылит и кинется на него с кулаками за такие рассуждения». Времени на беседы уже не оставалось, они бегом загрузили матчасть в две машины и рванули по назначенному маршруту к сплетению дорог, где должен был ждать их обоз из груженых полуторок. В последнюю минуту Алексей вдруг оставил наглого Кривоносова в своем экипаже заряжающим, чувствуя, как внутри все закипает от каждого слова дерзкого новоиспеченного танкиста. Ему не хотелось, чтобы Николай или другие танкисты отвлекались на резкие замечания парня, поэтому решил, что будет терпеть его сам. В «семерке» Емельян с недовольным лицом бурчал что-то под нос о тесноте, вытягивая длинные ноги на сиденье заряжающего и, казалось, даже не слушал объяснения Соколова о том, как загружена боеукладка на стенах Т-34 и что обозначают выкрики башнера: «Болванка, фугас, подкалиберный». Следом за головной «тэшкой» двигались остальные. В середине – экипаж на машине с номером 012, которой управлял молодой рядовой Хвалов. Экипаж ротный усилил опытным младшим сержантом Русланом Омаевым, который теперь исполнял обязанности башнера, и вновь прибывшим заряжающим Власом Ковальчуком. С тыла колонну из Т-34 прикрывал новенький танк с белыми яркими тремя пятерками и красной звездой на борту. За управление машиной сел Бочкин, который хоть и смотрел на дорогу не отрываясь через приоткрытый люк, но уже успел познакомиться с остальным составом танкового отделения. Двадцатилетнего Николая, конечно, смущало, что в подчинении у него оказался старик с седой бородой, но дед Митрич, вернее, сержант запаса Дмитрий Смаль, по-свойски успокоил парня:

– Ты, Коляша, не смотри, что я на сорок лет тебя старше, командуй, ори, если душа просит. Глуховат я, как в Первую мировую ухо приложило от бомбы, так с тех пор недослышу. А так-то я еще молодых за пояс заткну, сначала в партизаны пошел, как немец блокаду города выставил. А сейчас после подполья вот изъявил желание служить, стрелять умею, наводить, с танком управляться. Ты не смотри, что седой весь, ум и глаз острые, мне всего-то шестьдесят три стукнуло в этом году.

– А где вы пушку танковую научились наводить? – с интересом спросил у Смаля второй член экипажа, взявший на себя обязанности заряжающего, Геннадий Конев. Правда, вопрос свой ему пришлось повторить во все горло, чтобы дед Митяй его услышал.

– Давно уже, против Польши когда еще воевали, потом на Халхин-Голе. Тогда и обучили меня на машине ездить да наводить. Не такая, конечно, была техника, называлась БТ, «бэтушки». Последний раз комиссовали меня подчистую с ранением плеча, с тех пор я больше с тракторами, с сеялками да комбайнами управлялся у нас в совхозе «Рабочий поселок». И за механизатора, и за водителя. Все умею, котелок за троих варит.

Колька с облегчением выдохнул – мировой дед, с таким не страшно воевать. А Митрич тем временем уже крутил маховики наводки танкового, восхищенно цокал языком над плавным ходом новенькой пушки. Потом вдруг опомнился и аккуратно потрепал Конева по плечу:

– Ты давай, передохни, после ранения отдыхать много надо, во сне лучше заживление идет. А как выберемся от фрицев, я тебе запарю из елей такую примочку, мигом кожа помягчеет.

Внимательный старик сразу заметил, как морщится от каждого движения танкист, баюкает руку, стараясь успокоить жгучую боль, которая растекалась от руки по левому боку – по следам огня, который успел оставить свои отметки, пока Геннадий с товарищами выбирались из подбитого танка. Потом пришлось лежать несколько часов под днищем в черной едкой гари в ожидании окончания боя. Дальше была дорога в госпиталь длиною в трое суток, и все это время бок и рука полыхали от свежего ожога. Так что он и теперь, не замечая появившейся привычки, почти всегда действовал правой стороной тела, оберегая обожженную сторону. Предложению старика парень обрадовался, хоть и не показал виду. Дорога к части из тылового госпиталя его вымотала, и сейчас Гена валился с ног от усталости. Только он прикрыл глаза, как голова сразу же безвольно свесилась на грудь. А Митрич лихо поднялся наверх и уселся на люке, зорко всматриваясь по флангам и наверх, как полагалось по уставу на марше. Его кряжистую фигуру увидел и Соколов, который тоже, как Бочкин, вздохнул с облегчением – повезло им с новым набором в танковую роту. Если бы не Кривоносов, то лейтенант был бы полностью доволен своим выбором. Пускай у него немолодой башнер и танкисты с увечьями, зато у них есть опыт боевых действий, которому не научат в танковой школе. Грызущая изнутри тревога после неприятного разговора с Еременко, когда тот отказался давать ему людей, теперь отпустила, и Алексей, отслеживая обстановку, снова принялся прокручивать план действий. Головным танком следует пустить Омаева на «двенашке», «семерка» по левому флангу параллельно с машинами, чтобы прикрыть в случае обстрела бронированными бортами грузовики, а 555 прикроет их эшелон с тыла.

Фыркающие сизыми облаками полуторки их уже ждали, за рулем сидели водители с напряженными каменными лицами. Впереди короткая, но очень опасная дорога, никому не хотелось разговаривать или шутить, все гнали от себя мысли о возможной внезапной атаке со стороны немцев. Говорили совсем мало, Соколов лишь объяснил, как построиться, чтобы танки прикрывали с трех сторон деревянные борта нагруженных машин. Прохорчук кивал и отдавал короткие приказы, выстраивая своих водителей: в концах колонны из «ЗИЛов» оказались опытные водители, а новички шли следом друг за другом в середине под прикрытием танка командира роты. После инструктажа капитан сам с трудом залез в кабину замыкающей машины, руками установил свою деревяшку на педаль газа и кивнул лейтенанту – готовы ехать.

Вереница техники выдвинулась вперед, растягиваясь на пару метров друг от друга по заснеженной дороге. Метель, будто желая прикрыть их движение, начала поднимать снежные тучи все выше и выше, раздувая в воздухе густые завеси из снежинок. Хотя и трудно двигаться в такую погоду, высматривая каждый метр выщербленной ямами полосы, зато и противнику черные силуэты техники плохо видны. Первые пять километров они проехали осторожно, то и дело сбрасывая скорость, пока головной танк нащупывал в слепящей белой туче выбоины воронок от немецких снарядов. Бронированная техника ровно гудела, плавно покачивалась на амортизаторах, немного смягчавших тяжелый ухабистый путь.

Вдруг из белой пелены вынырнула невероятная картина стройки. Женщины в мешковатых ватниках тащили туго набитые землей мешки и укладывали их прямо на мерзлую почву по широкой просеке, которая клином разрезала густой лес. Женщины из рабочих поселков, трудовые отряды из подростков, добровольцы, пехота строили железную дорогу через болото вблизи Синявинских высот, чтобы соединить осажденный город с Большой землей, доставить продовольствие и топливо в Ленинград, вывезти оттуда и спасти тысячи людей. Хотя болотистая почва, заледеневшая от зимней стужи, позволила укладывать шпалы и рельсы прямо на снег, особо топкие места женщины заполняли мешками, набитыми грунтом. Сверху уже отряды насыпали гравий, укрепляли полотно и тут же настилали рельсы.

К колонне приблизился постовой, густо припорошенный снегом на плечах, он проверил документы и махнул рукой в белый хвост метели:

– Сейчас идите вдоль старой узкоколейки до карьера, а потом сворачивайте южнее и дальше уже все. Только вдоль озера.

Машины двинулись вперед, Соколов всматривался в согнутые спины, нахмуренные лица добровольцев. Даже через хлопья снега ему было видно, что у всех строителей замерзшие до синевы руки и лица, некоторые с трудом двигались, ослабленные голодом и морозом. Тем не менее все равно тащили, кидали мешки и шли за следующим грузом, следом шли такие же измученные путейцы, укладывая длинные рельсы и вгоняя железные костыли, чтобы наложить сверху шпалы. Сколько шли танки и грузовики до заброшенного карьера, столько не кончалась вереница из детей с санками. Подростки, школьники и даже совсем малыши, они все тащили, как понурые лошадки, тяжелые санки с грунтом из провала песчаного карьера. От страшной картины измученных ребятишек у танкистов все переворачивалось внутри. Они все поднялись из танков на броню и провожали взглядами ребятню с поклажей. Словно яркий теплый луч рассек вдруг унылую печаль строителей крик Митрича:

– Ребятки, молодцы! Поклон вам всем до земли! Скоро освободим страну от фашистов! Потерпите немного! А потом заживем! Скоро победа!

Его поддержка воодушевила детей, они, не останавливая мерного хода в тугих лямках, замахали в ответ, на их лицах расплылись улыбки, ребятня принялась кричать в ответ:

– Гитлера поджарьте!

– Победа за танками! Ура!

– Танки, ура!!!

– Дяденьки танкисты! Ура!

В этот момент на душе у всех потеплело, тревога улеглась на короткие минуты. Митрич сделал такое важное дело – зажег у них в душе огонек надежды, который от усталости и холода почти погас.

После карьера дорога резко свернула влево, обогнула территорию торфяника и вынырнула почти к берегу озера. Огромное белое пространство слепило глаза, несмотря на начинающиеся зимние сумерки. Извилистая линия берега замерзшего Ладожского озера тянулась десятки километров до перекрестка, где разбегались нити дорог вокруг самого города. Сейчас предстоял самый опасный отрезок их маршрута, когда продуктовому обозу оставалось проехать почти пять километров по открытому пространству. Нет ни укрытия, ни возможности

к маневрам, с одной стороны хрупкий лед водного пространства, который может не выдержать вес бронетехники, а с другой стороны немецкий фронт, до которого тоже меньше пяти километров расстояния. Снова накрыло острое чувство опасности, хотя ничто не говорило о близком расположении противника, наоборот, воздух звенел от тишины, мирное зимнее спокойствие нарушал лишь гул моторов.

Соколов нырнул в танк, прикрыл люк. Шлемофон – на голову, шнур – в ТПУ, вести наблюдение из люка становилось опасным. Если даже не атака, так случайный осколок мины или снайпер могут убить или ранить танкиста, чей силуэт отлично виден на фоне снежного озера.

– Всем экипажам, прием. Закрыть люки, занять наблюдательные посты. Мехводам закрыть люки, обзор через перископы. Башнеры ведут наблюдение за обстановкой по левому флангу, заряжающий – по правому.

В эфире раздались знакомые голоса:

– Есть! – И Бочкин, и Омаев знали, что сейчас не до разговоров. Во все визиры, перископы и смотровые щели надо высматривать противника.

Пока мехвод сосредоточен на дороге, остальные исследуют обманчивую опасную белизну окрестностей и серое, в тучах, небо.

– Затянуло все, это хорошо! – проорал сквозь скрежет механизмов Дмитрич, прильнувший к нарамнику МК-4 в башне. – При такой видимости ни артиллерия, ни самолеты не сунутся.

От белизны резало глаза, Соколов на секунду оторвался от нарамника перископа, смежил веки и потер лицо ладонями. Перед тем как вернуться к наблюдению, успел поймать краем глаза, как Кривоносов со скучающим видом привалился к стенке рядом с панорамой прибора наблюдения ПТ-К. Новый заряжающий, не скрываясь, сладко зевал, даже не пытаясь наблюдать за обстановкой вокруг.

И лейтенант Соколов все-таки не выдержал, с размаху саданул ладонью по шее осоловевшему от скуки подчиненному:

– Выполнять приказ, наблюдение по правому флангу.

– Чего там смотреть-то. – От удара Емельян мгновенно растерял свое нахальство, с недовольным лицом прижался к раме визира. – Снег один да подснежники в сугробах.

От его грубых слов Алексей скривился, но промолчал. Подснежниками штрафник назвал черные трупы и остовы подбитой техники, что лежали вдоль дороги. При виде замерзших мертвецов накатывала волна ужаса, дорога вся была выложена обгоревшими телами людей: за рулем перевернувшихся грузовиков застыли водители с остекленевшими глазами, на обочине и в кювете лежали расстрелянные из германских минометов или пушек советские бойцы. Кто-то сжимал «мосинку», в последней попытке открыть ответный огонь, кто-то рухнул прямо у колес машины, так и не успев найти укрытие. Немые, оледеневшие свидетельства подлого нападения немцев на практически безоружные автоколонны. С каждым метром все сильнее сжимались ладони танкистов в тяжелые кулаки, внутри поднималось черное жгучее желание мести. Водителям в деревянных кабинах с тонкими стенами из фанерок, незащищенным 25-миллиметровым бронированным листом, было еще страшнее. Ариша Михайлова, двадцатилетняя ленинградка, которая до войны водила трамвай и сегодня впервые села за руль полуторки, от неожиданности сначала закрыла глаза. Когда через секунду машину повело с дороги в кювет, ей пришлось снова встретиться взглядом с сотнями мертвецов. Так и ехала девчонка – тонко скулила от ужаса, не поднимая глаза от черной ленты с рытвинами. По ее красным от мороза щекам текли слезы, превращаясь в белесые полоски льда. Капитан Прохорчук же никак не мог заставить себя не скашивать глаза то влево, то вправо. По номерам на бортах, по ему одному известным приметам он узнавал своих погибших здесь ранее ребят-шоферов и свои «полуторки». Вот распластался на боку возле огромной воронки довоенный «газик» с шутником

Алешиным, все мешки с провиантом рассыпались, развалились по дороге. Правда, к дармовому зерну даже птицы не летят, опасаясь немецкого обстрела. Следующий в кабине полуторки мертвый старшина Крошин, его собранные посылки для ленинградских сирот так и остались в кузове машины, не добравшись до адресата. После расстрелянного обоза дорога оказалась перекрыта кровавой кашей из ошметков тел, которые уже невозможно было опознать. Окровавленные руки, ноги, части тел сверху припорошило снегом. Как не хотелось Бабенко направлять танк на изувеченные тела, но другого пути не было. Поляна по левому флангу была опасной для груженых «полуторок», могут сесть по самое брюхо и придется их буксировать. А это время, которого у автоколонны нет. Каждая минута на «дороге смерти» несет опасность, двигаться можно только вперед и на самой высокой скорости, которую могут выжать водители из старых «зилков». Семена Михайловича передернуло, когда сквозь гул мотора он различил хруст человеческих костей под гусеницами «тридцатьчетверки». Т-34 проложила колею в промерзших телах, следом по кровавой мешанине поползли машины. Дед Митяй вдруг заметался от одного визира к другому, прижался лицом к МК-4, потом снова бросился к ТШ-16, бормоча что-то под нос. Наконец он рассмотрел в мутноватой картинке то, что так встревожило старого сержанта. В первые секунды старику показалось, что глаза просто режет от снежных бликов, что вспыхивали в пышном зимнем одеяле Ладожского озера, но потом он понял, что это двигаются фигуры в белых маскхалатах. Кто-то плавно двигался параллельно хвосту колонны.

– Немцы, лыжники в маскировке! На озере! – прокричал он, перекрывая грохот железа.

– Семерка, семерка, прием! Говорит Бочкин! – заволновался Колька. – Засекли немецких лыжников, разведка идет параллельно по озеру. Они в белых маскхалатах!

Эфир остался без ответа несколько секунд. От неожиданности Соколов растерялся, он ожидал артиллерийского обстрела или атаки с воздуха, но как реагировать на то, что их колонну преследуют немецкие разведчики в маскировочных халатах.

– Товарищ лейтенант! Семерка, прием! Говорит три пятерки, Бочкин! За нами хвост!

– Я понял, три пятерки, вас слышу. – Голос у командира был спокойный.

Ротный командир осмысливал происходящее, разведка атаковать бронетехнику не будет – пули не пробьют бронелист. Да только сразу же постараются передать ориентиры, что по дороге двигается очередной обоз с провиантом. «Надо разделиться, – осенила его догадка. – Не дать лыжникам открыть огонь или подать сигнал!»

– Двенадцатый, полный вперед, вставай в голову колонны и уводи грузовики по дороге! Пятерки, прикрывай дальше хвост. – Лейтенант переключился на внутреннюю частоту связи. – Бабенко, подавай сигнал грузовикам и на короткую.

Семен Михайлович послушно мигнул два раза фарами, как и условились с водителями, которые по этому сигналу прибавили скорость и ушли вперед за Т-34 с номером 012 под управлением Омаева. Сам Соколов в это время водил прицелом пулемета, выискивая признаки движения среди снежной бесконечности, отдавая при этом команды остальным «тэшкам»:

– Коля, берите на прицел, снимайте их из пулемета и на высоких оборотах уходите по маршруту! За ними пойдет что-нибудь посерьезнее, чем автоматчики!

Дед Митрич без приказа уже тоже нашел мишень в прорезь прицела и нажал гашетку. Застрочили одновременно два ДТ, и на снегу вдруг расплылись красные пятна, обозначая место нахождения одетых в маскировку лыжников. Один за другим они раскинулись на мягком одеяле из снега, корчась от пуль.

– Уходим, вперед! – скомандовал Соколов, а в своем танке, чтобы не переключаться между частотами в эфире, сделал привычное движение – ударил сапогами один раз по плечам мехвода, подавая условный знак.

Так башнеры отдавали приказы еще в самом начале войны, тогда еще КВ не были оборудованы средством для внутренних переговоров. Поэтому приходилось общаться сигналами – толчками сапог в плечи механику-водителю. В грохоте боя, когда рвутся снаряды, гремит

железо бронированной машины, сорвешь горло, объясняя водителю, куда направить технику. Поэтому командир отделения лупил по спине подошвами, чтобы направить мехвода в нужную сторону. Т-34 рванул вперед, выбросив сизое облако дыма, параллельно по дороге шустро шла машина с тремя пятерками, где в устройство связи все еще торжествующе выкрикивал угрозы Митрич. Он из пулемета скосил добрую часть лыжников и теперь ликовал от своей победы:

– Держите, это вам привет от советского танкиста! Съели! Хотели как мыши прошмыгнуть мимо! От Митрича не уйдешь! – И вдруг недовольно вскрикнул: – Ах ты морда фашистская, выжил там кто-то! Командир, ракету пустили!

Один из умирающих немецких лыжников в последнюю секунду нажал на спусковой крючок и выпустил из сигнального пистолета зеленую ракету, которая просвистела в небо ввысь и опала черным пеплом на снег. Соколов крутанул маховик, но не успел поймать в обзор, что же там снова грохнуло позади.

– Товарищ командир. – Бочкин кричал от волнения в ларингофон. – Немцы выпустили сигнальную ракету! Зеленую! Сейчас будет еще атака, они сообщили о нашей колонне!

– Вас понял, пятерки! Как можно быстрее вперед, надо нагнать грузовики и прикрыть их от атаки!

Алексей понял, что, скорее всего, добраться они уже не успеют, погибшие разведчики успели подать сигнал и сообщить об автоколонне. Груженые грузовики не смогут увеличить скорость, они – беззащитная цель для немецкого огня из любого орудия, будь то пушки или автоматчики. Пока они мчались те пару километров, на которые успел уйти вперед караван, Соколов принял решение – сейчас отправит под прикрытием «тридцатьчетверки» все машины вперед, а два танка пойдут на пару километров позже, чтобы встретить атаку немцев максимально дальше от грузовиков. Водители в деревянных кабинах совсем без защиты, даже шальная пуля станет для них смертельной.

Но все его планы рухнули при виде новой беды. На подъеме в горку колонна встала. Небольшая возвышенность обледенела, покрылась наледью, по которой тяжело груженные «зилки» никак не могли вскарабкаться. Несколько водителей безуспешно пытались вытолкать машины по одной наверх. В кабине сидела бледная девушка и старательно выжимала педали, одноногий Прохорчук выкрикивал ей указания:

– Жми, жми до упора! Держи, держи газ! Давай, пошла!

Грузовик дергался, надсадно ревел, ноги водителей скользили по укатанной снежной полосе, они кряхтели, багровые почти до синевы от натуги, но никак не могли вытащить машину вверх. Деревяшка капитана соскользнула от наклона на льду, и он упал почти под колеса медленно сползающего «ЗИЛа». Сбоку к нему рванул Руслан, ухватил за воротник и вытащил командира автороты из-под потерявшей управление машины.

– Давайте прицепим трос к скобам и я машины по одной затяну наверх, – предложил решение парень.

Прохорчук с трудом стоял на ногах, он тяжело дышал от напряжения, на лбу вздыбился пучок синих вен. Протез скользил по ледяной дороге так, что капитан еле удерживался на ногах. Он смог лишь кивнуть в ответ – тащи!

Руслан с Матвеем уже накручивали крепкий узел на скобах, когда командирская «семерка» показалась на дороге. Соколов, не дожидаясь остановки, показался в люке наверху:

– Стой! Нет! – Командир соскочил с брони вставшего танка.

Он бросился к грузовикам прежде всего, где Прохорчук боролся с новой бедой.

Теперь он изо всех сил крутил кривой стартер – рукоятку, которая запускала заглохший двигатель. От многочисленных упражнений с педалями старенький грузовичок совсем заглох. В кабине теперь сидел другой водитель, а перепуганная девушка с застывшими слезами в глазах металась от окна кабины к капоту своей полуторки, мучаясь от беспомощности и стыда, что ее машина заглохла. Капитан рванул кривую ручку еще раз и мотор глухо заворчал.

– Да это от холода, устал бегать. Ничего, ничего, приедем я над тобой поколдую, – похлопал рукой Прохорчук металлический бок и кивнул девушке. – Давай прыгай за баранку, сейчас в горку тягом, а потом под низ пойдешь, тихонько жми тормоз, а то снова отрубится. Ну давай, кукла, выше нос! Полдороги прошли, считай приехали! – приободрил он расстроенную до слез девушку.

– Товарищ капитан. – Соколов шагнул поближе, чтобы не пугать остальных страшной новостью. – За нами лыжники шли в маскировке, думаю, что это абвер. Они успели выпустить ракету, я так предполагаю, это был сигнал о том, что по дороге идет обоз с провиантом, поэтому с минуты на минуту начнется атака немцев.

– Или обстреляют, или с воздуха ломанут. – Красное от мороза лицо капитана покрылось бледностью, он тоже понимал, что немцы не упустят возможности напасть на беззащитную вереницу из машин.

Танкист продолжил:

– Они будут ждать от нас привычного сценария, что мы постараемся ускорить движение и проскочить засаду. Я предлагаю действовать по своим правилам. Мы сейчас останавливаем грузовики. Их надо увести в неприметное место. Есть рядом лесок или… я не знаю…

Но капитан оказался сообразительным, спорить с командиром танкистов не стал, лишь кивнул и коротко доложил:

– Если на горку затащить машины, то внизу метров через триста есть полянка. Там грунтовка старая идет вбок, колодец раньше был, потом немцы его отравили. Но проехать туда машинам можно. Сколько придется ждать?

– Одна «тридцатьчетверка» с вами пойдет для прикрытия. Замаскируйте ветками «ЗИЛы». Мы по связи доложим, когда опасность минует. После начала атаки уходите сразу, немцы не знают, что обоз под охраной танков. Пока отвлекутся на танки, вы сможете проскочить.

– Хорошо, час вас ждем, потом уходим. Как раз можно удачно проехать без света фар, пока совсем не стемнеет. Тут осталось езды пятнадцать километров, за час-полтора можно пройти. Все, доставайте тросы!

Капитану еще многое хотелось сказать этому отчаянному лейтенанту, чтобы был осторожен, что он восхищается его смелостью и сообразительностью. Но времени на такие вещи совсем не оставалось, им нужно было срочно буксировать застрявшие грузовики, вздрагивая и оборачиваясь по сторонам в ожидании германского огня.

Мотька Хвалов ловко сиганул с брони на землю прямо перед кабиной старенькой полуторки и принялся сворачивать жесткий трос в тугой узел. К нему бросилась девушка-водитель, принялась суетливо помогать, дергая побелевшими от мороза пальцами тяжелую веревку. Она была похожа на замерзшего воробушка со своими растрепанными косами, съехавшей набок шапочкой. Матвей осторожно отодвинул ее в сторону:

– Прыгай в кабину, руки потри и щеки. Белые совсем, обморозила.

Девушка послушно вернулась на свое место и принялась растирать грубой брезентовой рукавицей лицо, морщась от боли. Она была такая крошечная на фоне огромного руля, и правда похожая на куклу, так как из-за низкого роста над панелью торчало только ее личико с огромными глазами, да смешно топорщились растрепанные волосы под тоненькой береткой. Синие от холода губы сжались в горькую полоску, а в глазах плескалось такое отчаяние и испуг, что Хвалов не выдержал и подмигнул.

– Не бойся, прикроем тебя! – Он хлопнул по броне танка Т-34. – Наши «тэшки» ничего не боятся, ни грязи, ни врага. А вот немцы при виде нас бегут!

Синие замерзшие губы в ответ растянулись в слабой улыбке, Матвей задорно подмигнул испуганной девушке. Хотя сам изо всех сил скрывал ужас, от которого его будто кипятком обдавало изнутри. Он уже участвовал в нескольких боях и поэтому сейчас понимал, что все

не так, как обычно. Даже всегда сосредоточенный ротный командир, лейтенант Соколов, не может сдержать испытываемой им внутренней нервозности. Остальные танкисты и водители действуют торопливо, мечутся с веревками от машины к машины, то и дело посматривая на дорогу, в поле, в небо. Они ждут нападения с минуты на минуту, ждут страшного боя с неизвестным противником, который непонятно откуда нападет.

Полуторки вместе с бронированной техникой только успели взобраться на крутую возвышенность, как все затаили дыхание от железного грохота тяжелой бронетехники. Началось!

– Омаев, прикрываешь колонну, старший – капитан Прохорчук.

Руслан хотел было спросить, сколько ему ждать товарищей. Да одного взгляда на лицо Соколова было достаточно, чтобы понять, какая опасность движется на крошечный обоз и его защитников. Командир был необычайно бледен, между бровей пролегла тяжелая складка, взгляд, будто перископический прибор, проходил по местности, отмечая все возможные огневые точки, возвышенности, складки, откуда можно будет контратаковать противника, каким бы он ни был. «Зилки» еще не скрылись даже за поворотом грунтовки, когда Соколов увидел с возвышенности немецкую штурмовую танковую группу. В голове мелькнула поздняя догадка: «Зеленая, ракета была зеленая, скорее всего, это был условный знак о том, что колонна под прикрытием танков. Поэтому в атаку выслали бронетехнику, и не просто танки, а тяжелые «тигры».

По дороге, не скрываясь, нагло мчалась вереница из железных монстров, которых создали германские инженеры к середине войны, когда стало понятно, что советским Т-34 легкие панцеры III и IV не могут противостоять ни по мощности орудия, ни по толщине брони. Вот тогда и родился этот великан – PzKpfw VI «Тигр». Новую модель оснастили убойной пушкой KwK-36 L/56, танковым вариантом знаменитой зенитки Flak-18/36. Ствол больше пяти метров, вес вдвое тяжелее маневренных «тэшек», выстрел, поражающий на расстоянии двух километров, – встречаться с новым панцером было невероятно опасно. Поначалу германские бронированные монстры казались неубиваемыми, но уже через пару месяцев советские танкисты нашли его слабые места. Мощь машины оказалась и ее слабостью, PzKpfw VI были слишком тяжелы и вставали в мягком грунте, болотистой местности, их траки забивались грязью, выходили из строя. Сложные механизмы невозможно было чинить в полевых условиях, и инженерным службам вермахта приходилось немало помучаться, чтобы оттащить тяжеловесов к ремонтным мастерским. Да и советские танкисты выработали выигрышную тактику при встрече с «тигром»: несколько машин стремительно сближались с ним, сокращая расстояние до 500 м, и вели прицельный огонь тяжелыми бронебойными болванками по бортам вражеской техники.

Жаль в этот раз такой подход не сработает, советских танков было всего три, а немецких великанов на дороге почти с десяток. Они выстроились на узкой колее парами и двигались на высоких оборотах, готовые к охоте на более слабого противника.

– По целям огонь прямой наводкой! – Алексей уже наводил орудие, стремительно раскручивая маховик.

Он краем уха услышал, как лязгнул казенник, поймал в перекрестие головную машину немецкой группы и нажал на спуск. Выстрел! Мелькнула вспышка прямо перед лобовой частью переднего «тигра». Попадание! Но огненный шар был слишком слабый, он вспыхнул и рассыпался искрами от удара о бронелист, не пробив дыры в отделении управления, как хотел Соколов. Осколочный! Не тот вид снаряда вылетел из пушки и просто поцарапал броню немецкого панцера. Лейтенант повернулся к заряжающему, который крутился возле боеукладки, неловко вытаскивая следующий заряд:

– Бронебойные! Ты фугас зарядил! Болванки давай!

– Да темно, как тут понять, какой где! – огрызнулся в ответ Емельян.

У Алексея даже в горле заклокотало от ярости, он уже показал новому заряжающему все виды снарядов, подробно объяснил, как они расположены на стенах танка и в чемоданах для боеукладки. Тот лениво кивал в ответ, а сейчас загнал в ствол фугасный снаряд, который хоть и достиг цели, но рассыпался осколками при ударе и всего лишь на несколько секунд ослепил немецкого водителя и наводчика, не причинив вреда самому танку. Командир развернулся всем корпусом, ткнул пальцем в очертания металлического вытянутого снаряда:

– Вот этот загоняй в ствол! – И снова прильнул к прицелу.

Он совместил вершину центрального угольника с замедляющим свой разбег немецким головным панцером, который уже превратился из точки в огромное пятно. Рука зависла над рычагом спуска, но Кривоносов все еще возился с боеукладкой – пыхтел, уронил болванку, вскрикнул от боли после удара девятикилограммового груза и принялся неловко поднимать снаряд. Алексей одним движением выдрал из неуклюжих пальцев тяжелый цилиндр и вогнал в ствол пушки. Огонь! Наконец-то «тигр» дернулся от удара, полыхнул оранжево-алым цветом, отчего остановился так резко, что остальные машины на ходу начали врезаться в подбитый танк. Дорогу затянуло черными клубами дыма, из-за которого в белесом зимнем воздухе были видны лишь крайние панцеры. Они не собирались останавливаться, на ходу немецкие башнеры наводили оружие в сторону пригорка, чтобы разнести башни советских «тридцатьчетверок».

Выстрел! В бой вступил и экипаж Бочкина, Митрич точно в цель отправил снаряд, остановив крайнюю по левому флангу машину, и тут же зарядил второй болванкой в правофлангового «тигра». Дорога для остальной бронетехники была перекрыта подбитыми панцерами, экипажи задних танков растерялись от метких выстрелов Т-34 и теперь нерешительно пытались объехать по полю преграду из полыхающих «тигров». Хотя Соколова короткое превосходство не радовало, он готов был кричать от злости. Он привык всегда играть в бою ведущую роль, находить цель и уничтожать, а сейчас с ленивым и беспечным Кривоносовым командирский экипаж превратился в легкую цель для немцев. Они смогли поразить лишь одну цель, потратили лишний снаряд, и было ясно, что дальше «семерка» будет слаба в бою из-за разлаженных действий экипажа. Даже танк с номером 555 с совсем юным командиром Бочкиным, который тоже сегодня оказался в бою со своим новым экипажем, действовал ловко и продуманно. Сразу после двух выстрелов по фланговым машинам танк откатился назад с линии огня, чтобы его не было видно на пригорке прямо под прицелами оставшихся на ходу «тигров». Николай, несмотря на молодость, уже успел набраться воинского мастерства в танке с опытными членами экипажа. Он, не дожидаясь приказа от командира, нашел себе укрытие и остановил машину. Алексей натянул поглубже шлемофон:

– Пятерки, атакуем, пока немцы в растерянности и видимость плохая из-за дыма. Нельзя уходить дальше, нельзя подпускать «тигры» к грузовикам. Пускай думают, что кроме нас на дороге никого нет.

– Есть!

Ответ Бочкина был коротким, хотя ротный командир понимал, какое мужество скрывается за коротким согласием. Атаковать сейчас германские панцеры равно добровольной смерти. На узком дорожном пятачке не развернуться, в поле уходить нельзя – наст не выдержит вес танков, да и окраины наверняка нашпигованы фашистскими минами. Остается лишь продолжать короткий неравный бой на отрезке грунтовой дороги длиною в полтора километра, рискуя получить ответный вражеский снаряд.

– Ориентир – сломанная береза, пятерки! Огонь! – Алексей задавал цели вслепую, при этом понимал, что пока тяжелые немецкие панцеры сгрудились на дороге, пытаются выстроиться в боевой порядок, надо бить и бить без остановки.

Узкая полоска полностью загромождена бронированной техникой, поэтому снаряды в любом случае попадут в цель.

– Короткая! – выкрикнул Бабенко, предупреждая, что сейчас будет плавный ход и остановка для того, чтобы произвести выстрел.

Как хорошо, что мехвод понимает его без слов, подводя танк по мягкой дуге к тому месту, откуда удобно вести огонь. Т-34 прошел петлей по правой стороне дороги, резко свернул к центру и замер, качнувшись на амортизаторах. Залп! Соколов рявкнул на заряжающего:

– Быстрее бронебойный!

В голове только мелькнула мысль: «Коля бы уже отправлял снаряд в дуло, а не возился с крепежом». Ведь каждая секунда важна, за минуту можно сделать до 5 выстрелов, и это значит, что два Т-34 могут уничтожить немецкую роту. Но не сейчас, не с этим заряжающим, который, кажется, не понимает, сколько жизней сейчас от него зависят.

Танк вдруг загудел огромным железным колоколом, вздрогнул и застонал всеми металлическими частями. От неожиданности Соколов ударился лбом о край перископа так, что из разбитой брови потекла струйка крови, заливая глаза. Подбили! Немецкий снаряд попал в башню, но, к счастью, им повезло – не появился едкий запах гари, удар пришелся по касательной, оставив вмятину в броне. Лейтенант едва успел проморгаться, утер рукавом красную пелену с глаз и приник к прицелу, чтобы выбрать новую цель, как в «тридцатьчетверку» снова ударил снаряд. В этот раз машина вздрогнула еще сильнее, Бабенко вцепился в рычаги и начал выводить рваные петли, чтобы у противника не было возможности прицелиться. Совсем рядом грохотала новенькая 85-ка, Митрич бил и бил по железным зверям, что притаились за черной полосой из дыма. Судя по тому, как все реже и реже «тигры» огрызались в ответ, его выстрелы попадали в цель, подбивая тяжелые машины одну за другой. Однако, несмотря на отчаянное сопротивление советских танков, немцы уже пришли в себя. Один из германских экипажей смог протиснуться сбоку от подбитых панцеров и следом за ним потянулись остальные.

– Коля, держи оборону, держи! Продержись, мой хороший, минуту! – Соколов воскликнул в непривычной ему взволнованной манере, до того его переполняла досада от неудачной атаки и бессильная злоба на Кривоносова.

Ответ Бочкина прорвался сквозь эфир, хриплый, полный злости к прорвавшимся через преграду немцам:

– Держусь!

Соколов не успел ничего сказать, как ноги сами ударили по правому плечу мехвода, а тот мгновенно среагировал. «Семерка» выписала широкий круг, взобралась на холм и исчезла за возвышенностью.

– Вправо бери, вправо, Бабенко! – От удара болванок еще звенело в ушах, и Соколов сам не замечал, как кричит в ларингофон.

– Мы же застрянем в снегу! – Семен Михайлович не сдержался от восклицания, но послушно направил машину прямо с дороги в твердое застывшее покрытие из снега.

– Застрянем, – подтвердил Соколов. – Но хотя бы сможем вести огонь.

Т-34 прошел метров сто, все сильнее замедляя движение, так как гусеницы с каждым метром все ниже и ниже забуривались в хрупкий покров, закапывая сами себя в рыхлом сугробе. Танк дернулся еще немного, прошел, беспомощно завыл и задергался от высоких оборотов, не в силах вылезти из снежного плена.

– Нет, нет! Нас тут сейчас немцы разнесут! – вдруг зашелся в крике Емельян, он кинулся к люку, откинул крышку и мгновенно исчез в белом проеме.

Ошарашенный его криком Бабенко успел увидеть только мелькнувшие сапоги в круге люка.

– Семен Михайлович, на место заряжающего перебирайтесь. Будем прикрывать до последнего. – Соколов сжал изо всех сил зубы, припал к прицелу, наводя пушку туда, откуда должны вскоре появиться немецкие панцеры.

Он поправил танковый шлем и отдал приказ:

– Коля, уходи, уходи, как можно быстрее. – Голос вдруг у него стал ровным, спокойным. Так всегда происходило, когда Соколов принимал решение и волна чувств опадала внутри, он в мгновение ока собирался, концентрируясь на боевой задаче. – Уходи дальше по дороге, уводите с Омаевым обоз дальше. Я буду прикрывать. Если пропущу мимо пару «тигров», вы справитесь. Два – это не десять.

– Семерка, отступаю! – откликнулся Бочкин. – Наступают пять единиц немецкой техники! Расстояние до них восемьсот метров!

– Уходи, Коля. Двенадцатый, двенадцатый, возвращайтесь на развилку с грузовиками. Уходите как можно быстрее к городу, я задержу танки. Вам хватит времени, чтобы выйти за лесной массив.

Соколов понимал, что сейчас он должен рискнуть. Одному управляться с пушкой нереально, поэтому и приказал Бабенко закопать в снег на расстоянии от дороги «семерку», превратив ее в дзот на гусеницах. Так иногда пехота делала со старыми танками, у которых уже не работало орудие. Его утаскивали на поле и использовали как бронированное укрытие. Даже если и подобьют машину, то у танкистов есть еще несколько минут, чтобы ответить прицельным огнем врагу. На этой позиции по правому флангу дороги сейчас вся техника у него будет как ладони, даже дым снесет ветром на запад. Поэтому, как только экипаж Бочкина промчался в облаке сизого дыма, лейтенант хрипло продолжил, обращаясь к Бабенко:

– Давайте, Семен Михайлович, вы за заряжающего. Как можно быстрее.

– Да, хорошо, я готов. – С кряхтением пожилой мехвод уже складывал себе под ноги заранее бронебойные калиберные болванки.

Он хоть и управлялся с тугими рычагами Т-34, что требовало немало сил, но ему было тяжело тягать в тесном пространстве снаряды весом больше 9 килограммов.

– Двенадцатый, двенадцатый, прием! – снова выкрикнул в эфир Соколов позывные танка, который остался в помощь колонне в укрытии.

В ответ лишь трещало и завывало, на секунду ему показалось, что сквозь помехи порвались крики и автоматные выстрелы. Но времени прислушиваться уже не было, вибрация и грохот на дороге становились все сильнее. Всем телом танкист чувствовал, как бронированные немецкие великаны подходят к вершине дорожного подъема. В заранее наведенном орудии он совместил вершину одного из угольников со штрихом, чтобы учесть боковую поправку, поймал в стекле глазами черные траки первого «тигра» и нажал на спуск. От удара снаряда лопнула, зазмеилась по дороге бронированная лента траков, передний ведущий каток пошел черной трещиной. После такого попадания машина замерла, снова создав препятствие на дороге для остальных.

– Получи! – Алексей выкрутил маховик так, чтобы дуло поднялось вверх.

– Готово! – Снаряд лег в казенную часть пушки и был надежно заперт затвором.

Залп! Теперь его выстрел пришелся в правую стороны кормы, туда, где были расположены баки с горючим. Лейтенант знал, как устроена компоновка внутри немецкой машины, сам лично с Бабенко и Логуновым не раз исследовал подбитые на поле PzKpfw VI изнутри. По обе стороны расположены баки с горючим и между ними двигатель, поэтому после выстрела в нижний бортовой лист разгорающаяся искра прошлась огненной дугой по корме, вспыхнула столбом и с ревом взлетела огненным шаром все выше, расползаясь вдоль всей машины. Танкисты, которые обычно успевали покинуть горящую машину через люк сверху или запасной рядом с гусеницами, сейчас даже не показались над башней. Только этого ничего Соколов уже не видел, он прицеливался и стрелял, снова наводил прицел, прижимаясь до боли к нараннику Т-16. Замирал буквально на секунду в ожидании нового выкрика от Бабенко: «Готово!» и снова жал на спуск.

– Двенадцатый, ответь, двенадцатый!

Но приемник молчал, Омаев не выходил на связь. Неужели он просчитался, когда отправил обоз вперед основной бронетехники? От этой мысли лейтенант почувствовал холод, прошедший вдоль позвоночника. И Соколов стал еще яростнее бить по тугому спуску орудия:

– Держи, получай! Получай!

Он не ждал, пока дым рассеется, чтобы выбрать новую цель. Выбирал заранее, сам отдавая себе команды: «Тридцать градусов на север, ориентир – остов грузовика!» Орудие, маховик наводки словно срослись с его руками и глазами в одно целое. Пушка дергалась от отдачи и пружинила на цель почти без остановки, как только гремел затвор. Огонь, снова огонь! Заполыхал свечкой «тигр», которому подкалиберный попал в верхний лист бортовой брони. От снаряда загорелась боеукладка на борту машины и теперь она с жутким грохотом принялась взрываться внутри, превращая танк в раскаленный железный котел, в котором плавились фашисты. Соколов в который раз навел орудие, каждый выстрел выверен. Огонь! Снаряд ударил в крышу корпуса позади башни, где расположена решетка воздухопритока, оттуда огонь, пороховой газ, искры сразу растащило по металлическим внутренностям машины. В дыму и огне немецкие танкисты метались по башне отделения управления, пытаясь на ощупь найти люки. Огненный залп в подбашенную щель! Основание башни перекосило, крыша танка съехала вбок, и он задымил черным столбом в небо. Тяжелые, с неповоротливой башней, «тигры» попятились. Быстрее, пока не скрылись за возвышенностью! Лязг металла казенной части, спуск! Снаряд впился стальным кончиком прямо в длинный пятиметровый ствол PzKpfw VI. Металл дула пушки расщепило на части от разрыва стержня, пушка дернулась в сторону, потянула за собой по инерции башню, от чего танк стал похож на искривленного инвалида. За пригорком успела скрыться единственная германская машина. В воздухе повисла тишина, бой затих. Черные от копоти и гари дымились подбитые танки, устилая горизонт черной вуалью чада, громко стонали умирающие, обожженные танкисты, посылали в серое небо ругательства и молитвы своему богу. В машинах трещало догорающее пламя, масло и бензин быстро прогорали, превращая грозные машины в раскаленные металлические коробки с начинкой из смрада и трупов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.